

А.И. Цомакион

Иван Крамской

Его жизнь и художественная деятельность

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А11

А11 **А.И. Цомакион**
Иван Крамской: Его жизнь и художественная деятельность / А.И. Цомакион – М.: Книга по Требованию, 2023. – 78 с.

ISBN 978-5-4241-2483-9

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

ISBN 978-5-4241-2483-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023
© А.И. Цомакион, 2023

Анна Ивановна Цомакион
Иван Крамской. Его жизнь и
художественная деятельность

Биографический очерк А. И. Цомаки-
он

С портретом Крамского, гравиро-
ванным в Лейпциге Геданом

Глава I. Детство и юность

Родная хата. – Суровый отец. – Уездное училище и первые проявления характера. – Страстное влечение к живописи. – Вынужденное поступление в писцы. – Знакомство с Тулиновым. – Ученье у воронежского иконописца. – Освобождение из кабалы. – Крамской делается ретушером. – Фотографические экскурсии по России. – Приезд в Петербург. – «Бог ретуши»

Художник-мыслитель, художник-психолог, подаривший русскому искусству «Христа в пустыне» и «Неутешное горе», честный боец за идею свободного национального искусства, написавший на своем знамени многозначительные слова: «Вперед без оглядки!» – Иван Николаевич Крамской провел свое детство в убогой обстановке. Родился он 27 мая 1837 года в Новой Сотне, слободе уездного городка Острогожска (Воронежской губернии). Происхождения он был далеко не знатного. Дед его, по словам самого Ивана Николаевича, был так называемый войсковой житель и служил, кажется, волостным писарем где-то на Украине; отец, Николай Федорович, в молодых еще годах поступил на службу в Острогожскую городскую думу столоначальником и, приписавшись в острогожские мещане, женился на девице Настасье Ивановне Бреусовой, старинного казацкого рода. На службе Николай Федорович оставался до самой своей смерти, случившейся, когда сыну Ивану было всего двенадцать лет от роду. После смерти Николая Федоровича место его в думе занял старший сын Михаил и, по примеру отца, до конца дней своих оставался в должности письмоводителя. Второй сын, Федор, служил учителем в приготовительных классах Острогожского уездного училища, где и сам получил образование. Иван Николаевич был младшим из трех братьев. В своей автобиографии он упоминает еще о двух сестрах, рано умерших.

Дом, где провел детские годы И. Н. Крамской, вид со двора. 1908 Фотография.

С любовью вспоминает Крамской серенькую обстановку, в которой протекло его детство. Вся семья, состоявшая из пяти человек, ютилась в небольшой собственной хатке, выходившей тремя окнами на улицу. При хатке разведен был сад, где росла большая, густая вишня с раздвоенным стволом, игравшая немалую роль в детских воспоминаниях художника. Соседями с правой стороны были братья Крупченко, большие любители музыки. Оттуда часто доносились звуки хорового пения, скрипки и флейты. Особенно восхищала Ваню флейта. Иной раз вечером или среди тихой, теплой украинской ночи один из братьев наигрывал в саду, а маленький, худенький Ваня с умными серыми глазками, носивший в своей детской груди сердце, уже тогда открытое для всего прекрасного и высокого, для света и добра, подолгу слушал, затаив дыхание, и на другой день с раннего утра забирался на свою любимую вишню и там старался подражать на гребенке очаровавшим его звукам. Тут впервые зародилась в душе его любовь к музыке, которую он сохранил и в зрелом возрасте; в это же время обнаружились и зачатки любви к пейзажу. Уже тогда, в эти ранние детские годы, поражали ребенка переливы света на деревьях, игра солнечных лучей на поверхности замерзших лужиц, длинные тени, ложившиеся на дорогу от тонких стволов берез, легкая рябь, пробегавшая по поверхности его любимой речки от внезапно подув-

шего ветерка... Когда возникла у него любовь к живописи, Крамской в точности не помнил, но уже семи лет он рисовал все, что ему попадалось, и из глины, которую брал у себя в погребе, лепил казаков наподобие тех, которых видел скачущими во весь опор по улице, – что очень ему нравилось и даже возбуждало невинное чувство зависти.

Улица в Острогжске с домом (второй слева с палисадником), в котором провел детские годы И. Н. Крамской. 1908 Фотография

Описывая далее свою родную улицу, Крамской вспоминает бедняка-соседа по левую сторону, у которого хатка была еще хуже его собственной и который удивлял его, главным образом, тем, что, будучи стар, имел совсем маленькую бородку. Напротив Крамских жили какие-то богатые люди; их дом выходил на улицу пятью окнами, а при доме был прекрасный сад, спускавшийся до реки, – предмет восхищения маленького Вани. «Ах! какая это была река!» – восклицает Иван Николаевич в своей автобиографии и описывает, с каким наслаждением он подолгу наблюдал свинцово-бурые волны ее в половодье.

По ту сторону, где жили Крамские, улица состояла домов из двадцати. На правом конце ее, позади узенького переулочка, возвышалась гора, где зимою катались на салазках и на больших льдинах, которые Ваня умел искусно обделывать наподобие санок; на левом конце была громадная площадь, где летом шла игра в мяч, в свайку, в дючки, где пускали змей.

Как видно, будучи дошкольником, лучшие часы свои Крамской провел на улице. Дома было скучно. Отец и в то суровое, как всякому известно, время казался человеком крайне крутого нрава. Как мало значил он для ребенка, видно уже из признания самого художника, говорившего, что сначала он точно не замечал отца, а с тех пор как заметил, все воспоминания о нем сосредоточиваются, главным образом, на его утренних сборах на службу, во время которых он неизменно журил мать, возившуюся у печки с ухватом или кочергой. При всех неприятных свойствах своего характера он к тому же еще сильно пил. Однако материальной нужды семья, по словам самого Крамского, не терпела: отец получал десять рублей в месяц жалованья и, кроме того, имел большие доходы от записей в гильдию, что давало иногда от шестидесяти до семидесяти рублей в месяц.

И. Н. Крамской. Конец 1850-х – начало 1860-х.

Первыми уроками грамоты будущий художник обязан был одному из братьев-музыкантов, который, собрав у себя семь-восемь девочек и мальчиков, учил их по методу аз, буки, веи и так далее. У этого учителя-дилетанта Крамской научился читать Псалтырь и Часослов, отлично понимать титулы и словотитулы, и первым годом, изображенным им на печке, был 1844-й, причем особенно тщательно выводилась нравящаяся цифра «4». Вслед за тем, – но когда именно, Крамской не помнит, – он поступил в Острогжское уездное училище, где сразу занял место первого ученика. Тринадцати лет кончил он курс, по собственным его рассказам – с разными отличиями, похвальными листами и отметкой «пять» по всем предметам, первым учеником, как свидетельствовал выданный ему из училища аттестат. Впоследствии, вспоминая эту пору своей жизни и время экзаменов, он говорит в письме к жене: «Помню живо то страшное время, когда выходишь на экзамен – кровь в виски стучит, руки дрожат, язык не слушается, и то, что хорошо знаешь, – точно не знаешь, а тут очки, строгие лица учи-

телей... Помню, как, бывало, у меня кулачки сжимались от самолюбия и я твердо решался выдержать и не осрамиться». Как видно, уже в этом возрасте начинали вырабатываться в ребенке те особенности характера, которыми отмечена вся последующая деятельность Крамского, та твердая воля, та ни перед чем не отступающая решимость, которая заставляла его идти навстречу каким угодно трудностям, если к этому призывали чувство долга и требования логики. Из этого маленького школьника со сжимавшимися под влиянием внутреннего решения кулачками уже складывался человек, всю жизнь свою утвердивший себе и другим: «Вперед без оглядки, – были люди, которым было еще труднее!»

Здесь, в училище, начались для маленького Вани и первые уроки рисования, что сначала очень радовало мальчика. Скоро, однако, уроки эти показались ему скучными: он почти целый год рисовал какой-то профиль без затылка, с началом чуба на лбу, а во втором классе так и не смог одолеть выбранной им самим из оригиналов литографии Святого семейства, за что, рассказывал он впоследствии, старичок учитель обозвал его лентяем, зарывающим свой талант в землю. Подметил ли старичок в своем маленьком ученике уже занимавшуюся искру священного огня, или то было случайное, невольное пророчество?

Когда Крамской кончил курс уездного училища, отца его уже не было в живых. Тяжело отозвалась на судьбе даровитого ребенка эта ранняя потеря: поступить в гимназию оказалось невозможным за недостатком средств. Не умри отец – средства, может быть, и нашлись бы. Всю жизнь свою не мог Крамской простить судьбе эту горькую обиду; всю жизнь страдал он от сознания, что лишен систематической подготовки, что, будь она в его распоряжении, не то бы он мог сделать для любимой родины и дорогого искусства. «Никогда и никому я так не завидовал, как человеку действительно образованному», – писал он не раз.

«Ах, как я жалею о своей юности, – говорил он И. Е. Репину в 1863 году, будучи уже уважаемым и любимым учителем. – Вы не можете представить себе, с какой завистью я смотрю на всех студентов и на всех ученых!.. Не воротишь... Я иногда думаю: может быть, я и не художник совсем, может быть, я и не остался бы в сфере искусства при других обстоятельствах...» «Мне не дано обстоятельствами знание – лучшее, чем человек может обладать в жизни, – пишет он через тринадцать лет (в 1876) Ф. Ф. Петрушевскому. – Я всегда, с ранней юности с завистью взирал на людей науки, а теперь зависть хотя и улеглась с годами, но уважение и любовь к науке остались как сожаление о чем-то окончательно утраченном». За два года до смерти своей он пишет А. С. Суворину: «Я самоучка во всем, кроме грамотности».

Теперь, когда изданы письма Крамского, когда мы узнали, какие духовные сокровища таил в себе этот мыслитель-самоучка, каждый из нас признает, что «горькая обида» была нанесена не одному Крамскому, но в лице его и всему русскому обществу.

Крамской И.Н. Автопортрет. 1867.

Мать, неграмотная и неразвитая женщина, не зная, что предпринять, куда определить сына, еще не окрепшего и слишком молодого, чтобы поступить на службу, оставила его поучиться еще годик. Он остался в училище, играя роль старшего ученика в классе, иногда заменяя учителя, и через год вышел с тем же аттестатом, в котором был переправлен только его возраст.

Выход из училища стал для четырнадцатилетнего мальчика моментом, с ко-

